

Петр Мамонов о вере, надежде, любви и кризисе христианства в Европе

Автор: Петр Мамонов

Успех религиозной драмы Павла Лунгина «Остров» уже не подвергается никакому сомнению. А не так давно, в преддверии выхода картины, исполнитель главной роли Петр Мамонов обратился с речью к редакции русского Rolling Stone

Rolling Stone на русском языке - это говно. Вы меня простите, но я правду говорю. Говно журнал: порнуха, непотребства. А когда на английском читаешь, вроде все прилично - о поп-звездах там, все понятно. На русском раз пять покупал и тут же выкидывал в мусорный ящик. Вся туфта, которая нас окружает, она вся в *Rolling Stone*. Я думаю, вы знаете, как название вашего журнала переводится? Перекати-поле. Ну и при чем тут все эти жвачки? Это же куст, который катится по пустынному полю, это означает в переводе «лузер». По смыслу «лузер» в английском языке - это не неудачник, это человек уязвимый. Человек, который отринул все, которого легко ранить. Этот человек, лузер, он не гонится за бабками. Вот что у вас за название. А теперь откройте журнал и посмотрите, что там у вас написано и какая у вас бумага.

Вчитываться в *Rolling Stone* я не хочу, у меня и так перед глазами все пестрит. Я не читатель, я писатель. Но если меня что-то заинтересует - вот тогда я беру. Если я захожу в магазин «Трансильвания» и спрашиваю: «Чего у вас из Лондона пришло?», мне по обложкам сразу понятно, что за музыка внутри. Например, если я вижу клеевую прикольную обложку, шнурки там на ней какие-то на швейной машинке сделанные, это для меня как пятно. Вот поставь пачку «Беломора» в ряд с иностранными сигаретами, и я вам скажу - она будет как луч. Когда мы с Брайаном Ино вместе работали, знаете, что он из Москвы вывез? Квадратную коробку со спичками, на которую нужно надавить, чтобы из нее спичку вытащить. И Брайан эту коробку у

себя в замке, в Вудбридже, поставил на мраморный английский стол XV века. Эта коробочка сразу все убрала, потому что такого больше нигде не делают.

Любой человек, имеющий деньги, может что-то издать на глянцевой бумаге. А ею ведь даже жопу не вытрешь, потому что она глянцевая. Ведь как выглядели первые номера *Rolling Stone*? Как газета! Вот если бы вы сегодня сделали такую фишку, когда американцы от этого уже ушли, вот тогда бы я читал, мне бы было интересно. Сначала внешний вид - а уже потом текст. Подумаешь - тексты *Rolling Stone*! Сейчас и *Cosmopolitan* есть, и другие фальшивки. Вот если бы был просто перевод с английского, тогда другое дело. А у вас пятьдесят процентов чужих, пятьдесят - своих. Все герои плохие, когда они распосованы, размалеваны, когда человеческого лица не увидишь. Какая-то общая масса, а сейчас время индивидуальностей. А вы таких, как я, пытаетесь смешивать с массовой культурой, на видео нас снимаете, а потом еще где-то показывать будете. А ведь денег я за показы не получаю. На фиг мне все эти ваши люди, что читают *Cosmopolitan*. Я не для них, я для тех, кто с семи утра в троллейбусе. Я не для глянцевых, вы перепутали. Я - маленький альтернативный человек со своим делом, которым интересуется пять тысяч человек.

Да, фильм «*Остров*» покажут на трехстах экранах (Мамонов играет матроса угольной баржи, который во время Второй мировой расстреливает товарища по приказу немцев, а затем подается в монашество, в течение десятков лет ведет праведную жизнь и в итоге становится чудотворцем. - Прим. ред.), но это не мой фильм, а режиссера Павла Лунгина. Я там занят как актер, работающий с другими прекрасными актерами - Виктором Ивановичем Сухоруковым, Димой Дюжевым и многими другими. Совершенно недооцененными актерами. А зачем их оценивать? Всем же нужен джойстик, нужно, чтобы ими двигали. А мной не двинешь уже, я существую для своих. Вот «*Такси-блюз*» Лунгина схлынул - и слава богу, это же плохой фильм, голливудская конфетка. Это история Золушки: пьяница, а потом вдруг знаменитость. С Лунгиным я работал, потому что мы товарищи, потому что сценарий хороший был. А к «*Такси-блюз*» я отношусь очень спокойно, хотя он и приз за режиссуру в Каннах получил.

Я не киноактер, я личность. Я такой вот странный. Я единственный такой. Вот такого меня и надо брать, а не ставить в ряд жвачечных этикеток. И если *Rolling Stone* напечатает про меня материал, сделайте такую вкладочку из газетной бумаги. Я в типографии работал, я все знаю про это. И мое интервью, на такой бумаге напечатанное, - это и фишка была бы, и мне приятно было бы. Вот вам идея. Сейчас главное - это идеи. Раньше за качеством гнались, чтобы как на Западе. А теперь все есть, а идей нет.

Я вашим итальянским коллегам из *Rolling Stone* давал интервью. Так надо было, они о фильме Лунгина спрашивали. Спрашивали о вере православной, как жить завтра спрашивали. Не потому спрашивали, что я такой, а из-за фильма. Фильм этот о самой насущной проблеме, поскольку у человека кроме пениса есть еще религиозный орган. И если этот орган неудовлетворен, сразу начинается тоска и уныние. Потому что сегодня многие живут по схеме «развлеки меня» - отсюда все эти смехопанорамы, безобразные круглые толстяки на экране или кровяца. «Развлеки меня, покажи мне!» Мало куска жопы - давай всю, мало жопы - давай собак. Если бы вам духовность была интересна, она у вас была бы. Может быть, лично вам, редакторам, она и интересна, а спроса на это нету или маловато его, спроса.

Фильм «*Остров*» сразу семь стран купили. И неважно, как мастерски или немастерски все было сыграно. Это просто такой спокойный фильм на настоящую, хорошую, живую тему. Все живое и подлинное. Яблоко, сорванное с дерева, лучше яблока из магазина, пусть оно даже в самую лучшую упаковку завернуто. У меня сейчас такое в сумке лежит, я скоро его съем. Почему мы, русские люди, встали на путь каких-то обезьян? Почему «Макдоналдсов» понастроили? А я объясню почему - потому что джойстик людям нужен. Люди

хотят, чтобы ими управляли, им так проще. А мой путь - это сказать: «Пока, ребята!» Вот сейчас ветряк поставлю в деревне и совсем ото всех отрежусь. И картошка своя у меня там растет, и перец, и помидоры, и огурцы, и яблоки, и сад, и дом прекрасный. Еще ветряк и солнечную батарею на крышу. Я от людей не бегу, у нас в Ревакино за четыре года в пять раз земля подорожала. Чего мне бежать - у меня же там гектар, участок леса. А в Москве на Каретном у меня обычная квартира трехкомнатная, где мама больная. А в деревне дом огромный будет. Пока, правда, только маленькая избушка есть.

Нам бы взять у европейцев их воспитанность, манеры, вежливое обращение, уважение чужой личности - и все. Плюс их автомобили и ширпотреб. Пускай они все это делают, а мы будем хлеб выращивать и все на него выменивать. Так всегда и было, когда крестьянин крестьянину давал рубль золотой. Натурально золотой. Сейчас это трудно представить. Американцу такое рассказываешь, а он не верит - не могло такого быть. Прирост промышленного производства в год - тринадцать-четырнадцать процентов, это в 1912-1913 годах. Ни в одной стране мира такого не было, и даже в Китае сейчас нет. Вот как жили люди. Почему мы обезьянничаем, а не живем своей спокойной жизнью? Вот недалеко от меня в городе Верея приятель-англичанин Джо купил маленький домик и устраивает там в «файв о клок», настоящее английское чаепитие для старушек. Бабки собираются, он им рассказывает, как у них в Англии жизнь, очень все достойно. Молодец? Молодец. А мы здесь живем. И чего везем? Вот в Италию на кинофестиваль в Венецию привез фильм, жизнь свою привез.

По поводу русской богоизбранности: Бог нам неизвестен, и неизвестно, кого он избрал. Европа - это же кладбище христианства, вот поэтому и фильмы на религиозную тему у них не получаются. Там только памятники, а веры очень мало. Католицизм - это извращение, протестантизм - это вообще атас. Они как устроились по жизни комфортно, так и духовно хотят себя чувствовать комфортно. В протестантизме ведь что главное: верь - и все. Грехи уже искуплены Христом. Поэтому делай все что хочешь, только в меру, - и будешь спасен. А у нас вон как герой мой с грехом своим носится - и правильно. И кается, и плачет. А не то, что в церковь пришел и опустил двадцать копеек. Так что в Европе веры нет.

Для вас, *Rolling Stone*, важна фраза, которую митрополит Антоний Сурожский однажды сказал: «Защищенность - есть признак смерти, незащищенность и риск - признак жизни». Желаю той малой части читателей, что меня прочтут, не бояться быть и уязвимыми, и ранимыми, и тонкими. И мир будет хлестать их по щекам, им будет больно, и кровь будет течь - я имею в виду в первую очередь внутренние переживания. Ничего, все это признаки жизни. Не смотрите на трупы, которые на «Хаммерах» ездят или там на Трехгорке работают, смотрите на живых. Тут сразу и кончатся разговоры про богоизбранность. Национальности и все эти границы придумали не так уж и давно - какие-то триста-четырееста лет назад. Что это за национальности такие, ведь все между собой перемешались. Я русский, а во мне и татары, и кого там только нету. Народ принадлежит к той или иной нации по языку - на каком вы языке думаете, тот вы и есть. Потому что язык впитал в себя все традиции со времен зарождения христианства. В древнеславянском языке не было ругательных слов - даже таких, как «сволочь», «хам». Потому что явлений таких не было. Тогда была деревня, а в конце деревни - храм. Не было ни НТВ, ни *Rolling Stone*, ни «чуин-гама», ни-че-го. Ни музыки, ни искусства, ни архитектуры. Где же все это было? В храме. Посмотрите на лобой храм XII века - и вам не нужно будет ничего объяснять и рассказывать. Вы просто откроете рот и будете стоять. А духа мало сегодня стало. В том числе и у меня. Вот был у меня знакомый один: щелкнул пальцами и сказал себе: «Больше не курю». Рецидивист с Цветного.